

Иерей М. Самков

Функционалистский подход к переводу культурно-исторических реалий: перевод концептов «искупление», «левиатанский брак» и связанных с ними представлений (на примере книги Руфь)

В своей деятельности переводчик очень часто сталкивается с необходимостью делать выбор из нескольких допустимых и равноправных вариантов. В случае перевода Библии выбор необходимо делать уже на самых первых этапах. Разные традиции содержат неодинаковое количество книг, входящих в Библию. Кроме того, один и тот же текст может содержать разные текстуальные варианты (что отражено в критическом аппарате современных изданий еврейского и греческого текстов Ветхого и Нового Заветов). Определившись с выбором канонической и текстуальной традиции, переводчик оказывается перед лицом множества возможных интерпретаций одного и того же текста. Очень часто разные ученые и разные общины верующих предлагают разные варианты толкования как отдельных слов, так и целых отрывков оригинала. Однако каноническая, текстуальная и интерпретативная вариативность осложняется еще одним явлением. Даже после того, как переводчик или переводческая группа определились с выбором на предшествующих этапах, оказывается, что один и тот же отрывок или предложение можно передать по-разному. Это видно из существования множества самых

разных переводов даже внутри одной экзегетической традиции. Одно и то же выражение можно перевести как буквально, так и достаточно свободно, либо где-то между двумя этими опциями. Более того, буквальность и вольность в переводе также могут реализовываться совершенно по-разному. Это можно увидеть, просто сравнив между собой несколько буквальных переводов: буквальность может быть на морфологическом, грамматическом, синтаксическом или функциональном уровнях¹.

Что же определяет решение переводчика? Чем следует руководствоваться, делая выбор из двух или нескольких допустимых вариантов? Функционалистский подход к переводу утверждает, что определяющим фактором в ситуации выбора является та коммуникативная функция, которую перевод будет осуществлять в целевой аудитории.

В данной статье мы постараемся показать, что не существует «идеального» перевода. Выбор, сделанный переводчиком, будет оцениваться как «адекватный» или «неадекватный» в зависимости от конкретной ситуации, в которой будет существовать тот или иной перевод.

Мы рассмотрим ситуацию перевода тех текстов, в которых отражены социо-культурные реалии древнего мира. В качестве примера был взят перевод представлений, связанных с ветхозаветным концептом «искупление» (на материале книги Руфь). В работе были использованы следующие русскоязычные переводы: Синодальный (*Синод*), перевод Российского библейского общества 2011 г. (*РБО*), перевод Международного библейского общества 2008 г. (*МБО*), перевод Э. Г. Юнца (*Юнц*), А. Ольмана (*Ольман*), А. И. Шмаиной-Великановой (*Ш-В*).

Институт «искупления» в Ветхом Завете

В древнем Израиле семья играла более важную роль, чем та, которая у нее есть в современном мире. Основу социальной структуры составлял אב־תּוֹכַח («дом отца»), кото-

¹ de Vries, L. *Biblical Scholars, Translators and Bible Translations* / L. de Vries // *Scripture and Interpretation*. № 2/2. 2008. P. 148-150.

рый, в свою очередь, был частью большей структуры הַקְּלָיִם . Нашему понятию «семья» более всего (со значительной долей условности) соответствует בֵּית־אָב , а הַקְּלָיִם (несмотря на некоторые «но») лучше всего перевести как «клан». При этом следует учитывать, что понятие «семьи» было более широким, чем сейчас. В структуру בֵּית־אָב входила не только современная нуклеарная семья (двое супругов и их дети), а отец и мать, их взрослые сыновья со своими супругами и детьми, незамужние дочери, вдовы, сироты, гостившие в семье странники, домашние левиты и другие. Все они были связаны общими условиями проживания и, как правило, жили в нескольких домах, расположенных рядом друг с другом внутри одной деревни.

Как уже было сказано, בֵּית־אָב являлся частью более крупной структуры – הַקְּלָיִם (клан), которая состояла из нескольких בֵּית־אָב , которые были соединены, как правило, кровными узами. Следует учитывать, что внутрисемейные и внутриклановые связи были намного более тесными и крепкими, нежели те, которые сегодня существуют внутри семьи и между семьями.

Семья, клан были основной ценностью ветхозаветных времен. Отдельные люди были менее важны, чем социальные группы, к которым они принадлежали. Исследователи подчеркивают важность коллективного мышления и сознания людей, принадлежавших той культуре, что так сильно отличается от современной европейской, в целом индивидуалистической культуры. Это чувство солидарности и единства было (во многом, хотя и не исключительно) основано на осознании общего происхождения. Безопасность, сохранность, честь семьи была более важна, чем безопасность отдельного члена семьи. Но при этом оскорбление или ущерб, нанесенные одному члену семьи считались оскорблением и ущербом для всей семьи.

Для обеспечения полноценного функционирования и сохранения семьи/клана существовали определенные роли, которые принимали на себя члены семьи/клана. Одной из таких ролей была роль родственника-«искупителя». Под родственником в данном случае понимается ближайший

кровный родственник мужского пола; под «искупителем» – человек, ответственный за восстановление прав другого члена семьи. Эта обязанность могла быть возложена на нескольких людей. Еврейским термином, который обозначал такого человека, является слово לִקְחָא¹. Гоэль – искупитель и защитник членов своей семьи. Все его функции были направлены на поддержание жизнеспособности семейной группы. Он должен был заботиться об интересах отдельных членов своей семьи и всей группы в целом. Так, он должен был заплатить за семейную собственность и позаботиться о том, чтобы его родственники обрели свободу. Основные обязанности לִקְחָא описаны в книге Левит. В функции לִקְחָא входило:

- возвращение утерянной семейной собственности (или той, которая была под угрозой потери – Лев. 25:25, Иер. 32:7);
- выкуп того родственника, чьё экономическое состояние грозило ему или членам его семьи продажей в рабство. Если израильтянин имел финансовые трудности и был вынужден для уплаты долгов продать свою собственность или даже самого себя и своих детей в рабство – לִקְחָא должен был выкупить и этого человека, и его собственность (Лев. 25:25; Лев. 25:47-49);
- осуществление кровной мести за убитого родственника (Числ. 35:19, 21). В Пятикнижии также говорится и о другом типе לִקְחָא – לִקְחָא מִדָּם (букв. «искупитель крови»)

¹ לִקְחָא – это активное причастие породы Qal, которое происходит от корня לִקַּח. Основное значение глагола – «избавлять», «спасать», «искупать», «выкупать». Этот глагол используется вместе со своими дериватами в еврейской Библии 118 раз. Являясь глагольной формой, לִקְחָא почти всегда выступает в роли субстантива. 44 раза это слово употреблено в отношении Бога, который спасает, искупает. Хотя этот корень не встречается вне страниц Ветхого Завета (за исключением одного аморитского имени собственного), тем не менее, есть свидетельства того, что в древнем ближневосточном мире существовали явления, которые имели такие же функции, что и гоэль в древнем Израиле (Leggett, D. *The Levirate and Goel Institutions in the Old Testament. With Special Attention to the Book of Ruth* / D. Leggett. New Jersey: Mack Publishing Company, 1974. P. 63-81).

(Числ. 35:19, 21, 24, 25, 27; Втор. 19:6; 2 Цар. 14:11). Такой человек должен совершить акт восстановления справедливости и предать смерти того, кто совершил убийство члена семьи. Если обвиняемый был вне пределов досягаемости, то должен был быть убит родственник убийцы.

- получение в качестве доверенного лица платы, причитавшейся умершему родственнику за реституцию (Числ. 5:8). Если некто причинял ущерб другому человеку и человек, который сделал это уже не жил, то ущерб должен был компенсировать לָחַץ (Числ. 5:8).

Помимо информации об институте искупления, которую мы находим в Пятикнижии, существует еще два текста, важных для понимания этого явления. Первый из этих текстов – Иер. 32, где речь идет о выкупе пророком семейной земли. Второй текст – книга Руфь, которая вся построена на системе патриархальных внутрисемейных отношений. Однако в повествовании о Руфи присутствует и указание на другой закон – закон левирата. То есть в данном случае обязанности לָחַץ осложнены еще одной обязанностью – необходимостью «восстановиться семя» умершего родственника.

Во Втор. 25:5-10 дается подробное описание закона левирата. Если в Израиле мужчина умирал, не оставив после себя сына, то его вдова должна была выйти замуж за брата умершего мужа, а не за кого-то вне семьи¹. Первый сын, который рождался в этом новом браке, считался сыном умершего, так «чтобы имя его не изгладилось в Израиле» Втор. 25:6 (*Синод*). Данное законодательство преследовало три цели:

- во-первых, оно сохраняло потомство умершего брата, так что его имя продолжало жить²;

¹ При этом будем помнить, что понятие семьи здесь более широкое, чем в современном мире и не ограничивалось нуклеарной семьей.

² Одна из причин того, почему потомки были столь важны – надежда каждого еврея на то, что ожидаемый Мессия будет рожден в его семье.

- во-вторых, наследник гарантировал, что собственность семьи останется в семье;
- в-третьих, закон левирата был институтом, который помогал и защищал вдов. Без заботы и защиты мужа женщины были в крайне тяжелом и незащищенном состоянии.

Помимо правил о левирате, описанных во Второзаконии, в Ветхом Завете есть лишь два случая левиратного брака. Первый из них описан в Быт. 38, второй – в книге Руфи. В обоих случаях, обязанности левирата исполняет не деверь, а другой родственник. Некоторые исследователи считают, исходя из этих случаев, что в действительности закон левирата относился не только к брату мужа, но и ко всем мужчинам клана, либо вообще к родственникам. Правда другие исследователи считают, что книга Руфи была написана значительно позднее времени составления законов Пятикнижия. Это означает, что первоначальное законодательство могло меняться, а в книге Руфи отражена позднейшая стадия его развития.

Далее, на примере книги Руфь мы рассмотрим, как можно переводить комплекс представлений, связанных с концептом «искупление» и от чего может зависеть принятие решения. Напомним, что главными героями книги являются Ноеминь, ее невестка Руфь и их родственник Вооз. Последний был לָאָה по отношению к обеим женщинам, должен был не только оказать им помощь, но также должен был, как ближайший родственник, заключить с Руфью левиратный брак, поскольку Руфь осталась бездетной после смерти мужа.

Проблемы перевода концептов «искупление» и «левиратный брак» и связанных с ними представлений

Перевод слов לָאָה и לָאָה

Концепт «искупление» создает основу для сюжета всей книги. В книге Руфь различные формы глагола אָהַרְתִּי

(«искупать, выкупать») (в том числе и причастие לָקַח) встречаются 22 раза. Как мы уже говорили, термин לָקַח указывает на: (1) кровного родственника и (2) тот комплекс функций, которые לָקַח имеет по отношению к членам своей семьи.

В нашей культуре отсутствует как концепт «искупление», так и соответствующие ему социальные структуры. В русском языке невозможно найти эквивалентное слово, которое могло бы передать всю смысловую нагрузку термина לָקַח. Существующие русскоязычные переводы решают данную проблему по-разному. Всё разнообразие переводческих решений можно свести к двум вариантам: либо дается указание на родственные связи, либо подчеркиваются его функции по отношению к членам семьи.

Так, в Синодальном переводе термин לָקַח последовательно переводиться как «родственник». Это слово просто указывает на взаимоотношения субъектов, то есть на то, что их связывает семейное родство. При этом в нашей современной культуре слово «родственник» отнюдь не связано с той ответственностью и обязательствами, с которыми было связано слово לָקַח в ветхозаветную эпоху. Родственность в нашей культуре указывает на отношения людей, на степень близости членов семьи и степень кровного родства; но при этом, как правило, родство необязательно предполагает наличие обязанностей, имеющих, к тому же, некую юридическую силу. Поэтому когда в 3:9 Руфь просит Вооза о защите и помощи, напоминая ему о том, что он родственник («прости крыло твое на рабу твою, ибо ты родственник») – нам вовсе не понятно, почему Вооз должен ей помогать. В нашей культуре обязательства могут распространяться на ближайших родственников (родители-дети, муж-жена), но наличие таких обязательств обычно уже не распространяется за пределы нуклеарной семьи. Могут существовать некие нравственные обязательства, но они не имеют юридического статуса.

Другой возможный вариант – перевести словом, которое подчеркивало бы функцию לָקַח. Так, Шмаина-Великанова последовательно передает этот термин как

«спаситель», *Ольман* – «выкупитель». В данном случае мы понимаем, какова функция этого человека, но при этом теряется основание для осуществления данной функции в древнеизраильском обществе – наличие родственных связей. В переводах *Ш-В* и *Ольмана* слова «спаситель» и «выкупитель» становятся техническими терминами.

В некоторых переводах даётся не технический термин со всеми его импликациями, а делаются эксплицитными лишь отдельные аспекты термина. Так, в некоторых случаях *РБО* переводит לָחַץ как «родственник, (который) может помочь» (3:9) или «родственник, (который) должен помочь» (3:12). Однако помощь родственнику, попавшему в беду – лишь одна из возможных функций לָחַץ, при этом ограничивается остальной спектр возможных функций.

Перевод *МБО*: «он с нами в близком родстве» (2:20), «один из ближайших родственников, несущих ответственность» (3:9), «близкий родственник» (3:12), «родственник» (4:1; 4:3; 4:6). В стихах 2:20, 3:12, 4:1, 4:3, 4:6 переводчики пытались подчеркнуть не просто родственные отношения, но – особо близкие родственные отношения. При помощи этого, возможно, переводчики стремились дать понять современному читателю, на каком же основании Вооз должен был помогать Руфи. Однако выше, при обсуждении Синодального перевода мы указывали, что в современной культуре сами по себе родственные отношения, даже очень близкие, вовсе не обязательно предполагают необходимость помощи. В 3:9 переводчики попытались передать оба аспекта термина לָחַץ: и его родственное положение и его функцию. Удалось передать смысл, но было утеряно очень важное качество любого термина – его краткость и ёмкость.

Перевод *Юнца* передает לָחַץ либо как «заступник» (2:20), либо как «родственник/родич» (3:12; 4:1; 4:3; 4:6). В первом случае указывается одна из возможных функций לָחַץ – заступничество, во втором – его семейная позиция. Вариант перевода выбирается переводчиком в зависимости от контекста.

Итак, у нас есть несколько вариантов перевода:

1. Перевод буквальный, указывающий на функцию לָחַץ по отношению к другим членам семьи. При этом в русском переводе соответствующее слово приобретает статус технического термина («спаситель», «выкупитель»).
2. Перевод, который бы указывал на позицию לָחַץ внутри תַּלְמוּדִי אוֹתוֹת («родственник», «близкий родственник», «родич»).
3. Перевод, который пытается передать оба аспекта; полученная при этом описательная конструкция теряет лаконичность термина («родственник, который может/должен помочь»; «один из ближайших родственников, несущих ответственность»). Во второй части такой конструкции выбирается и делается эксплицитной лишь одна из функций לָחַץ, при этом имплицитными остаются другие возможные функции. Эксплицируется та функция, которая, как кажется переводчику, наиболее актуальна в данном контексте.

Каждый из вариантов перевода допустим, каждый из них имеет как свои плюсы, так и свои минусы. В целом, можно сказать, что они равноценны. Какой же из вариантов перевода может выбрать переводчик? Что должно определять его выбор?

Исходя из функционалистского подхода к переводу, решающее значение для переводчика при решении переводческих проблем является та социокультурная функция, которую перевод будет выполнять в целевой аудитории. Это также означает, что переводчик должен учитывать степень знакомства своего читателя с культурой той эпохи, в которую создавался текст. Учитывая это, можно предложить следующие варианты решения. Так, в переводе, рассчитанном на церковную аудиторию, мы можем выбрать буквальный перевод, который сохраняет лаконичность еврейского термина («спаситель», «выкупитель» либо, что более привычно церковной аудитории – «искупитель»¹).

¹ Причем этот последний вариант, на наш взгляд, был бы более уместным в контексте православной литургической традиции, где

Такого рода аудитория достаточно хорошо знакома с культурным контекстом ветхозаветных книг, у которой есть доступ к комментариям и словарям, либо значение неизвестного термина вполне может быть объяснено во время проповеди либо библейской встречи

В некоторых культурах существуют институты, близкие по своим функциям с институтом לָחַץ. Либо структура семейных отношений в таких культурах во многом похожа на структуру древнеизраильской семьи, где родственные связи предполагают определенную степень ответственности за членов своей семьи (границы которой, как правило, выходят за пределы нуклеарной семьи). В таких случаях слово לָחַץ лучше переводить как «родственник»; «близкий родственник».

Если перевод ориентирован на аудиторию, незнакомой с библейскими реалиями, и мы знаем, что доступ к дополнительной литературе будет ограничен, то вполне допустимо переводить לָחַץ описательной конструкцией вроде «родственник, который может/должен помочь; один из ближайших родственников, несущих ответственность».

Глагол לָחַץ дословно переводится как «покупать/выкупать». В 4:4 почти все рассматриваемые нами переводы дают буквальный перевод. Но в стихе 3:13 наблюдается вариативность в передаче данного глагола:

Синод: «...хотя и правда, что я родственник, но есть еще родственник ближе меня; переночуй эту ночь; завтра же, если он примет тебя, то хорошо, пусть примет; а если он не захочет принять тебя, то я приму; жив Господь! Спи до утра».

термин «искупитель» давно известен – так называется и Сам Бог; интересно, что в псалмах Синодальный перевод предлагает переводить לָחַץ именно как «Искупитель». Сохранение этого слова важно, поскольку у читателя перевода есть возможность увидеть связь между разными библейскими текстами, в которых употреблено слово לָחַץ. Когда Вооз называется לָחַץ и этим же словом называется, например, в псалмах, Бог – то речь идет об одном и том же концепте «искупления»; Бог является для Своего народа таким же לָחַץ, каким для Руфи был Вооз.

РБО: «Это правда: я – твой родственник и должен помочь тебе, но есть еще родственник, более близкий, чем я. Оставайся эту ночь здесь, а завтра, если он воспользуется своим правом, – хорошо, пусть пользуется. А если он не захочет помочь, то, клянусь Господом, я помогу тебе. Спи, утро еще далеко».

МБО: «Хотя я и близкий твой родственник, есть родственник еще ближе меня. Оставайся на ночь здесь, а утром, если он захочет быть вашим покровителем, то хорошо – пусть будет. Но если не захочет, то верно, как то, что жив Господь, это сделаю я. Спи здесь до утра».

Ольман: «Но вот, хотя я и выкупитель, есть другой выкупитель, более близкий родственник, чем я. Переночуй, а утром, если он выкупит тебя – хорошо (вариант перевода: если Тов выкупит тебя - выкупит), а если не захочет выкупить – я выкуплю тебя, жив Б-г! Лежи до утра».

Юниц: «Но, хотя и правда, что за мной право выкупа, имеется родственник более близкий, чем я. Переночуй здесь, а утром, если он захочет тебя выкупить, пусть выкупает. Если же он откажется тебя выкупать, то – Господь свидетель – я это сделаю. Так что спи до утра».

Ш-В: «Словом, хотя я и впрямь спаситель, но есть другой спаситель ближе меня. Переночуй эту ночь, а утром, если он спасет, пусть спасет, а если он не пожелает спасти тебя, спасу тебя я. Жив Господь! Лежи до утра».

Синодальный перевод передает это слово как «принимать». Что подразумевается под данным словом? Как правило, принимают в качестве кого-либо, чего-либо. В качестве кого должен принять Руфь Вооз или его другой родственник?¹ В общем, для современного читателя само слово «принимать» оказывается неопределенным. Правда, это слово все же подразумевает, что человек должен взять определенную ответственность за судьбу Руфи.

РБО глагол לִפְדּוֹתָ в 3:13а передает русским выражением «пользоваться правом», а в 3:13б – глаголом «помогать».

¹ Первое, естественное предположение – принять в качестве жены.

Как видим, перевод одного и того же слова в одном стихе не последователен, но зато он помогает увидеть разные значения этого глагола. С одной стороны, гоэль действительно имеет право на выкуп земли, но он же имеет и обязанности – помогать родственнику, попавшему в тяжелое положение.

МБО: в 3:13а глагол переведен как «быть чьим-либо покровителем», причем во второй раз глагол переведен без объясняющего дополнения. Такой перевод позволяет понять, что быть чьим-либо родственником означало иметь и определенные обязанности в отношении членов своей семьи. В 3:13б глагол вовсе заменен на другие выражения – «хотеть», «сделать». Таким образом, переводчик смог избежать излишнего повторения одного и того же слова в двух соседних стихах.

Ольман: глагол в 3:13 – последовательно переведен как «выкупать». *Юнц*: в 3:13 трижды глагол переведен как «выкупать», но четвертый раз глагол переведен «делать». *Ш-В*: четырежды глагол переведен как «спасать».

Здесь видим следующие возможные варианты:

1. Дать буквальный перевод: выкупать/покупать.
2. Сделать эксплицитной некоторую имплицитную информацию: принимать [во владение землю / в качестве жены]; «быть чьим-либо покровителем»; «брать ответственность за кого-то»; «пользоваться правом»; «спасать».

Каждый из переводов – вполне допустим, ни один из них не имеет существенных преимуществ перед другими. Выбор одного из возможных вариантов, как и в предыдущем случае, будет определяться стратегией перевода, его социокультурными функциями (если мы хотим, чтобы наши решения были осознанными, обоснованными и последовательными).

Так, в церковном переводе вполне допустим буквальный перевод. Однако в случае со стихами 3:13, 4:4, 4:6, где данный глагол употребляется несколько раз на протяжении одного предложения – последовательный буквальный перевод будет тяжеловесным. Поэтому даже в традиционном

церковном переводе вполне допустимо в данном случае перевести глагол לָחַץ разными словами.

То же самое можно сказать и относительно других типов перевода, рассчитанных, например, на нецерковную аудиторию. Тут можно сохранять в некоторых случаях как буквальный перевод, так и передавать некоторые аспекты значения глагола. Причем тенденция, скорее, будет в сторону последнего варианта. Впрочем, в некоторых случаях нецерковных переводов можно сохранять и буквальный перевод – например, если перевод намеренно выбирает стратегию подчеркивания «инаковости» древнего текста. В подстрочном переводе, естественно, мы будем последовательно применять буквальный перевод.

Перевод образного выражения, связанного с концептом «искупления»

Рассмотрим также проблемы перевода разного рода обычаев, связанных с концептом «искупления». С одним из таких обычаев мы встречаемся в 3:9. По совету своей свекрови, Руфь приходит ночью в поле к Воозу и ложится возле его ног. «И сказал [ей Вооз]: кто ты? Она сказала: я Руфь, раба твоя, прости крыло твое на рабу твою, ибо ты родственник» (*Синод*).

Свои действия Руфь сопровождает просьбой:

וּפְרַשְׁתָּ כְנָפֶיךָ דְעַל־אִמְתִּי כִי גֵאֵל אָתָּה

В зависимости от огласовки, эту фразу можно перевести либо как «прости полу [твоей одежды] над работой твоей» (*МБО*), либо как «прости крылья твои над твоей работой»¹ (*Синод, РБО, Ш-В, Ольман*). Независимо от выбран-

¹ «The Masoretes add vowels to this noun indicating it is a defectively written dual. The consonants are ambiguous: it could be singular or dual (written defectively). Boaz used the dual כְנָפֶיךָ in 2:12 in reference to Ruth's religious loyalties. It is likely that the occurrence there influenced the Masoretes' reading of the example in this verse, since the singular "bottom/edge (of a robe)" is used elsewhere in collocations referring to marriage, e.g., Deut 27:20; Ezek 16:8; Mal 2:16» (Holmstedt, R. *Ruth: a*

ного варианта, наиболее вероятное значение этого выражения – просьба о защите¹. В просьбе Руфи объединяется просьба о замужестве с имплицитной просьбой к Воозу быть «искупителем»². Примечательно, что это единственный случай в еврейской Библии, где брак связан с ролью икупителя. Как мы помним, обычно обязанность выполнения закона левирата лежала на брате того, кто умер бездетным и оставил после себя вдову. Цель левиратного брака была в восстановлении потомства умершему.

Большинство рассмотренных нами переводов буквально передают еврейское выражение, не делая при этом никаких дополнительных объяснений:

«Простри крыло твое на рабу твою, ибо ты родственник» (*Синод*).

«Возьми рабу твою под свое крыло; ты родственник мой и должен мне помочь» (*РБО*).

«Простри же крыло на твою рабыню, ибо ты выкупитель» (*Ольман*).

«Простри крыло твое на твою служанку, ибо ты – спаситель» (*Ш-В*).

«Простри надо мной край твоей одежды, ведь ты один из наших ближайших родственников, несущих ответственность за нас» (*МБО*).

Один из русских переводов, в отличие от предыдущих переводов, не сохраняет образного выражения оригинала, а передает один из аспектов значения этого выражения:

«Возьми меня под защиту, как мой заступник и родственник» (*Юнц*).

Сама ситуация, с которой мы встречаемся в этом отрывке, может выглядеть для современного человека не со-

handbook on the Hebrew text / R. Holmstedt. Waco: Baylor University Press, 2010. P. 162).

¹ Waard, J. and Nida, Eu. *A Translator's Handbook on the Book of Ruth* / J. Waard and Eu. Nida. London: United Bible Societies, 1973. P. 34, 54. Кроме того, здесь важны и интертекстуальные связи: Господь как гоэль Израиля (Пс. 18:15, 77:35, 102:4) протирает над ним крылья (Втор. 32:10-12); Вооз делает то же для Руфи.

² Holmstedt, R. *Ruth: a handbook on the Hebrew text*. P. 161.

всем однозначной. Женщина, которая приходит ночью к мужчине, ложится рядом с ним и просит взять ее под своё крыло или покрыть ее своей одеждой, вызывает вполне недвусмысленные ассоциации. Однако в той культуре подобные действия, сопровождаемые указанной просьбой, были лишь просьбой о защите и покровительстве. При этом необходимо учитывать, что самую лучшую защиту и заботу вдова могла обрести в замужестве. Только в таком случае вдова получала необходимые безопасность, статус и значение в обществе¹.

Как видим, в данном случае мы также можем:

1. Дать буквальный перевод образного выражения (простри крыло твоё / простри полы [одежды твоей]).
2. Перевести один из аспектов значения просьбы Руфи, сделать имплицитную информацию эксплицитной (возьми меня под защиту / возьми меня в жёны).

Как и в предыдущих случаях, каждый из вариантов перевода допустим. Лишь имея конкретную переводческую задачу, учитывая знакомство целевой аудитории с культурой оригинала, мы можем сделать обоснованный выбор в пользу того или иного варианта.

Так, как и в первом случае, для церковной аудитории, которой доступны объяснения или которая хорошо знакома с образным языком Библии, вполне можно сохранить и буквальный перевод. При этом текст также можно сопроводить примечанием, которое бы объясняло смысл данного образного выражения.

Буквальный перевод допустим и для светской аудитории (которая, возможно, через посредство художественной

¹ Поэтому некоторые англоязычные переводы предлагают следующие варианты: «Make me your wife according to God's law, for you are my close relative» (Living Bible), «Because you are a close relative, you are responsible for taking care of me. So please marry me» (Today's English Version). Все же, следует отметить, что просьба о замужестве – отнюдь не первое значение слов Руфи.

литературы либо в силу устоявшихся языковых норм) знака с выражением «взять под своё крыло» в смысле «взять под свою защиту» / «взять под свою опеку».

Тем не менее, в некоторых культурах, где подобные выражения отсутствуют, либо вышли из активного употребления, вполне допустимо передать значение оригинального выражения, не сохраняя его форму. Поскольку сохранение формы может в такой аудитории вызвать ассоциации, отсутствующие в оригинальном тексте.

Руфь 4:5

В стихе 4:5 мы видим диалог Вооза с другим, более близким родственником Руфи. Вооз объясняет этому человеку его обязанности: помимо необходимости выкупить землю у Нооми (в качестве לאָא), он также должен будет взять в жены Руфь, как ближайший родственник её умершего мужа (закон левирата):

וַיֹּאמֶר בְּעֵז יוֹם־קְנוֹתֶיךָ הַשָּׂדֶה מִיַּד נָעֲמִי
וְמֵאַתָּה רֵוֹת הַמּוֹאָבִיָּה אֲשֶׁת־הַמֵּת קְנִיתִי קִימָהּ שְׂמִימָת עַל־נַחֲלָתוֹ

В еврейском выражении *עַל־נַחֲלָתוֹ שְׂמִימָת קִימָהּ* соединены две идеи. Цель левиратного брака состояла в рождении детей для человека, который умер и не оставил после себя потомства; таким образом восстанавливалось имя умершего. Имя умершего восстанавливается в наследстве через тот факт, что его собственность становилась собственностью первого ребенка вдовы от нового брака. Под собственностью понимался, прежде всего, земельный надел.

Синод: «Вооз сказал: когда ты купишь поле у Ноемини, то должен купить и у Руфи Моавитянки, жены умершего, и должен взять ее в замужество, чтобы восстановить имя умершего в уделе его».

РБО: «Боаз сказал: “Если ты купишь поле у Нооми, ты также должен взять в жены Руфь-моавитянку, вдову умершего, чтобы его потомки наследовали его имущество”».

МБО: «Тогда Вооз сказал: В тот день, когда купишь землю у Ноемини, ты также должен будешь жениться на

моавитянке Руфи, вдове покойного, чтобы, когда у вас родиться сын, собственность на землю осталась за семьей покойного».

Ольман: «И сказал Боаз: “В день, когда ты купишь поле из рук Нооми и у Рут-моавитянки, жену умершего ты приобретаешь, чтобы восстановить имя умершего в его уделе”».

Юнц: «Тогда Боаз сказал: “Если ты покупаешь землю от Наоми и жены покойного, Рут из Моава, то должен приобрести и ее, чтобы продлить ему род и обеспечить наследников”».

Ш-В: «Богатырь сказал: В день, когда ты покупаешь поле из рук Услады и у Полной Чаши-моавитянки, ты и жену умершего покупаешь, дабы восстановить имя умершего в его наследии».

Ольман, Ш-В дают буквальный перевод. При этом у *Ольмана* נָחֵדָה (наследие, наследство) – «удел», а у *Ш-В* «наследие».

Синод раскрывает значение глагола נָחֵדָה, прямо указывая на обычай левиратного брака: если два указанных выше перевода содержат «приобретать» и «покупать», то *Синод* – «взять в замужество». Вторая часть выражения переведена буквально.

РБО раскрывает имплицитное значение выражения «восстановить имя в уделе», прямо указывая цель левиратного брака: земля, имущество умершего переходит к его потомкам и тем самым его имя восстанавливается в цепочке последовательных владельцев земли. Таким образом, восстанавливается прерванная линия наследования. При этом более общее значение «наследие» передается более конкретным термином «имущество»; хотя в современном русском языке слово «имущество» скорее относится к вещам и редко относится к земле.

В переводе Юнца также дается объяснительный перевод выражения «восстановить имя умершего», при этом все же не указывается взаимосвязь между рождением наследника и возвращении/наследовании имущества/земли.

Самый эксплицитный перевод – в *МБО*. Здесь вся имплицитная информация и взаимосвязь между разными аспектами «восстановления имени» непосредственно видны читателю перевода. При этом утеряна оригинальная идиома, но такая жертва оправдывается тем, что читатель может понять значение идиомы: рождение сына гарантирует сохранение земли за семьей покойного.

И вновь мы оказываемся перед лицом разных допустимых вариантов:

1. Сделать буквальный перевод («восстановить имя умершего в его уделе»).
2. Передать значение (или один из его аспектов) этого выражения одним из возможных способов: взять в жены вдову умершего, чтобы его потомки наследовали его имущество; жениться на моавитянке Руфи, вдове покойного, чтобы, когда у вас родиться сын, собственность на землю осталась за семьей покойного; приобрести жену умершего, чтобы восстановить имя умершего в его уделе; приобрести жену покойного, чтобы продлить ему род и обеспечить наследников). При этом степень эксплицитности будет разной.

Как и в предыдущих случаях, выбор стратегии перевода будет определяться функцией перевода и объемом знаний читателей о культурно-исторических реалиях мира оригинала.

Вовсе не очевидно, конечно, что даже церковный читатель сможет объяснить смысл выражения «восстановить имя умершего в уделе его». Но следует учитывать, что в церковной среде сложилась определенная традиция переводов. Уже долгое время существуют вполне определенные представления о том, как перевод будет в данном контексте наиболее адекватным. Вполне объяснимо, что в традиционной церковной аудитории будет преобладать тенденция к более буквальному переводу, сохранению идиом оригинала (с которыми значительная часть верующих людей может быть хорошо знакома, в том числе, благодаря постоянному использованию библейских текстов в богослужении).

С другой стороны, сохранение буквального выражения в переводе для светской аудитории сделает перевод непонятным. Это приведет к тому, что основной смысл библейского повествования может остаться непонятным. Такой же подход допустим и в церковном переводе для аудитории, в которой отсутствует давняя традиция библейских переводов. В таких случаях читатель, во-первых, мало знаком или вовсе незнаком с библейским текстом и библейскими реалиями и, во-вторых, библейские текст еще не вошел «в плоть и кровь» его литературы (как, например, в русском или английском языках).

Руфь 4:7

В отрывке 4:7 мы встречаемся с так называемой церемонией передачи обуви:

וְזָאת לְפָנִים בְּיִשְׂרָאֵל עַל-הַגָּאוּלָּה רְהוּעַל-הַתָּמוּ לְקַיִם
כָּל-דָּבָר שֶׁלָּךְ אִישׁ נִעְלָו וְנָתַן
לְרַעְיוֹ וְזֹאת הַתְּעוּדָה בְּיִשְׂרָאֵל:

С похожим обычаем мы встречаемся во Втор. 25, где говорится о важности закона левирата. В том случае, если первый родственник отказывался от своего долга помощи – он обесславливал себя и должен был подвергнуться ритуалу унижения. Вдова выражала своё презрение тем, что снимала обувь с ноги этого человека и плевала ему в лицо: «Тогда невестка его пусть пойдет к нему в глазах старейшин, и снимет сапог его с ноги его, и плюнет в лице его, и скажет: «так поступают с человеком, который не созидает дома брату своему» (Втор. 25:9) (*Синод*).

Однако в книге Руфи обряд снятия обуви имеет несколько другое значение. Здесь тот человек, который отказывается от исполнения своего долга, снимает свою обувь. Более того, это действие в тексте книги сопровождается объяснением, что в древности эта церемония служила в качестве подтверждения всякого соглашения о выкупе и переходе права собственности (Руфь 4:7). Этот обычай был символическим и указывал на передачу права или собственности от одного человека другому. В книге Руфи бли-

жайший родственник используют данную церемонию как знак того, что он отказывается от своей ответственности выкупа и заключения левиратного брака. При этом его отказ не воспринимается как нечто предосудительное, как во Втор. 25.

Буквально еврейский текст в Руфь 4:7 можно перевести следующим образом: «был [обычай] в прежние времена в Израиле относительно выкупа и обмена: для подтверждения передачи один снимал свою сандалию и отдавал её другому, и это было свидетельство в Израиле».

Синод: «Прежде такой был обычай у Израиля при выкупе и при мене для подтверждения какого-либо дела: один снимал сапог свой и давал другому, [который принимал право родственника,] и это было свидетельством у Израиля».

РБО: «В древности у израильтян был обычай: при передаче права на выкуп, чтобы скрепить договор, человек снимал с себя сандалию и давал другому. Так израильтяне подтверждали договор».

МБО: «(А в прежние времена в Израиле, чтобы выкупить или передать права на собственность, один из участников сделки снимал свою сандалию и отдавал ее другому. Такой в Израиле был обычай узаконивать сделку)».

Ольман: «А было прежде так в Израиле при выкупе и обмене, чтобы подтвердить всякую сделку: снимал человек свой башмак и отдавал другому; и это свидетельство в Израиле».

Юну: «А было тогда в Израиле принято делать так: чтобы скрепить сделку, касающуюся выкупа и обмена, один из ее участников снимал башмак и вручал другому. Так заключались сделки в Израиле».

Ш-В: «А у Израиля это было прежде в обычае при всяком спасении наследия и обмене: человек снимал свою обувь и отдавал другому. Это было у Израиля подтверждением [сделки]».

При переводе выражения $\text{עַל־הַגָּאֻלָּה} \text{ וְעַל־הַתְּמִנְיָה}$ у переводчика вновь появляется несколько возможностей:

1. Перевести эти слова буквально как спасение/выкуп и обмен (ср. *Синод* «при выкупе и при мене»; «при выкупе и обмене» *Ольмана*).
2. Сами слова перевести буквально, но сопроводить их дополнительными объяснениями (чтобы выкупить или передать права на собственность – *МБО*; «при всяком спасении наследия и обмене»).
3. Объединить элементы «искупления» и «обмена» и объяснить их как «при передаче права на выкуп» (*РБО*).

Заключение

Перевод является не только искусством, но и наукой, одна из задач которой – найти оптимальные пути осуществления перевода. Безусловно, перевод при этом продолжает оставаться искусством, в котором есть место для творчества и интуитивных прозрений.

Как видно из предшествующего исследования, перед переводчиками всегда стоит проблема: что означает высказывание на языке оригинала и как его значение передать на другом языке. В том случае, если мы приходим к единому мнению относительно значения выражения, существуют самые разные варианты его передачи средствами языка перевода. При этом следует помнить, что не может быть одного, универсального и идеального решения. То, что может быть идеальным в одних условиях – окажется совершенно неуместным в других. Для нас это означает, что не может быть идеального перевода Библии.

Поэтому переводчики, работающие в рамках функционалистского подхода, предпочитают говорить об адекватном или неадекватном переводе. В свою очередь, адекватность или неадекватность того или иного перевода будет зависеть от той функции, которую перевод призван выполнять. Все это означает, что от переводчика требуется не только профессиональный навык и творческие дарования, но также и умение анализировать совокупность факторов, которые определяют коммуникативную ситуацию перевода. Такой глубокий анализ позволит переводчику принимать обоснованные, последовательные решения на всех

уровнях: от макростратегических до микростратегических решений, от определения типа перевода до применения разных техник для решения переводческих проблем.